

А. Ю. Балакин

ПУШКИН — ЧИТАТЕЛЬ ГРАФА ХВОСТОВА

(I. «Что за прелесть его послание!»)¹

28 января 1825 г. Пушкин писал из Тригорского П. А. Вяземскому: «Пришлите же мне Ваш Телеграф. Напечатан ли там Хвостов? что за прелесть его послание! достойно лучших его времен. А то он было сделался посредственным, как В<асилий> Л<ьвович>, Ив<анчин>-Пис<арев> — и проч. <...> Милый, теперь одни глупости могут еще развлечь и рассмешить меня»². В комментариях к первому тому наиболее авторитетного критического издания писем Пушкина, подготовленного Б. Л. Модзалевским, этот фрагмент поясняется следующим образом: «Послание престарелого гр. Дмитрия Ивановича Хвостова, вызвавшее иронически-восторженный отзыв Пушкина, — “Послание к N. N. о наводнении Петрополя, бывшем 1824 года, 7-го ноября”; оно было напечатано не в “Московском телеграфе”, а в “Невском Альманахе на 1825 г.” Е. В. Аладына (стр. 34—43); тогда же оно было издано и отдельною брошюрою, с немецким переводом (СПб. 1825, 4°)»³.

Если внимательно прочесть этот комментарий и сопоставить его с текстом пушкинского письма, то неиз-

¹ Считаю своим приятным долгом поблагодарить М. В. Безродного, А. С. Бодрову и К. Ю. Лаппо-Данилевского за помощь в работе над статьей, а также А. Л. Осповата и С. И. Панова за полезные замечания и указания; первоначальный вариант статьи был опубликован в газете «Санкт-Петербургские ведомости» (2007. № 184, 2 октября. С. 4).

² Пушкин. Полн. собр. соч.: В 16 т. [М.; Л.], 1937. Т. 13. С. 137.

³ Пушкин А. С. Письма. М.; Л., 1926. Т. 1: 1815—1825. С. 397 (примеч. Б. Л. Модзалевского); ср.: Переписка А. С. Пушкина: В 2 т. М., 1982. Т. 1. С. 195 (примеч. М. И. Гиллельсона).

бежно возникнут вопросы. Конечно, Пушкин знал о том, что с нового года в Москве Н. А. Полевой начал издавать новый журнал — «Московский телеграф», — об этом ему 6 ноября 1824 г. писал ближайший сотрудник будущего издания Вяземский: «В Москве готовится новый журнал: Полевой и Раич главные издатели. Они люди честные и благонамеренные. Дай им что-нибудь на зубок. Они подносят тебе билет на свой журнал, который буду пересылать»⁴. «На зубок» новому изданию Пушкин дал «Телегу жизни», отправив ее в ответном письме Вяземскому 29 ноября. Это стихотворение было напечатано в первом номере «Московского телеграфа», который вышел в свет 8 января 1825 г. В опубликованном 17 января в газете «Русский инвалид» анонсе первого номера нового журнала о помещенных в нем стихотворениях говорилось, что «имена А. С. Пушкина и князя П. А. Вяземского ручаются за их достоинство»⁵. Это объявление вскоре стало известно Пушкину, который писал 25 января Вяземскому: «Прочел я в Инвалиде объявление о Телеграфе. Что там моего? Море⁶ или Телега?»⁷ Однако сам журнал до Михайловского дошел не скоро: первые номера Пушкин получил не ранее конца февраля, а то и позднее⁸. Но откуда ему стало известно, что там предполагалось напечатать послание Хвостова? Ничего не дает и указание на то, что послание было опубликовано в «Невском альманахе» и выпущено отдельно брошю-

⁴ Цит. по: *Пушкин*. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 118.

⁵ Цит. по: *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. 1799–1826* / Сост. М. А. Цявловский; Отв. ред. Я. Л. Левкович. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1991. С. 493.

⁶ Имеется в виду стихотворение «К морю» («Прощай, свободная стихия...»), посланное Вяземскому раньше; об истории его публикации см. примеч. Б. Л. Модзалевского в кн.: *Пушкин А. С. Письма*. Т. 1. С. 391.

⁷ *Пушкин*. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 135.

⁸ Еще 19 февраля он писал Вяземскому, что «Московский телеграф» не получает (*Пушкин*. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 144); первый отклик о нем находится в письме к брату от 27 марта (Там же. С. 158).

рой: оба эти издания были отпечатаны уже после упомянутого в начале заметки пушкинского письма.

Альманах вышел в свет 5 февраля, 10 февраля появилось краткое объявление о его продаже, и в тот же день в «Северной пчеле» был опубликован первый отклик на него за подписью «Н. Н.»⁹. Почти одновременно было напечатано и отдельное издание хвостовского «Послания»; 28 января Хвостов сообщал В. М. Перевошикову: «Некто г. Аладьин, который служит при вашем Дмитрие Максимовиче — смею сказать и моем, выдает [для прибыли разумеется] по заведенному обычаю Альманах, называемый Невский и бедняшка несколько опоздал. Но статьи и в прозе, и в стихах будут хорошие. <...> В оном будут и мои стихи на наводнение, и сей Альманах верно появится здесь около 10-го февраля, и я не замедлю из оного стихи мои на наводнение вынуть, напечатать особливо, и вам оные препроводить...»¹⁰ Наполненная иронией анонимная рецензия на это издание появилась в следующем номере «Северной пчелы» и состояла, по сути, из двух фраз: «Новое произведение Поэта, достойное пера его. Выписываем несколько стихов, в твердом уверении, что сим доставим удовольствие любителям Поэзии сего рода» — после чего следовало 38 строк из послания¹¹.

Следовательно, Пушкину был известен текст послания Хвостова еще до публикации, причем либо в его тексте должен был содержаться какой-то намек, что он предназначается для журнала Полевого, либо поэт

⁹ Об обстоятельствах появления «Невского альманаха на 1825 год» и отклика на него подробнее см.: Балакин А. Ю. Пушкин и «Невский альманах»: Заметки к теме // Пермяковский сборник. М., 2010. Ч. 2. С. 242–245.

¹⁰ РГАЛИ, ф. 46, оп. 4, ед. хр. 11, л. 37–37 об. В позднейшем примечании Хвостова к посланию говорится, что оно «напечатано в первый раз с немецким переводом г. Вульфберта, на особливом листочке, в генваре 1825 года» (Хвостов Д. И. Полн. собр. стихотворений. СПб., 1829. Т. 2. С. 229).

¹¹ Северная пчела. 1825. № 19, 12 февраля.

узнал об этом из чьих-то писем. Как попытаемся показать ниже, справедливым оказывается первое предположение¹².

Вернемся в 1824 год.

7 ноября в Петербурге случилось катастрофические по своим масштабам наводнение: разлившаяся Нева уничтожила значительную часть города; количество жертв было велико, хотя в разных источниках приводятся разные данные. Это наводнение вдохновило Д. И. Хвостова на немедленный поэтический отклик. Издатель журнала «Благонамеренный» А. Е. Измайлов 3 декабря писал своему другу П. Л. Яковлеву, что «граф Хвостов написал на этот случай стихи маленькие и большие. Первые, без всякого заглавия, прислал он ко мне, последних я еще не читал. Он назначил их для “Телеграфа”. Лучше бы послал в “Дамский журнал”»¹³. Посланное Измайлову стихотворение престарелого графа в «Благонамеренном» так и не появилось: его редактор сам посвятил этому событию как не предназначавшиеся для печати куплеты¹⁴, так и несколько стихотворных строк, помещенных в начале его статьи «О наводнении в С.-Петербург». Письма к П. Л. Яковлеву»¹⁵.

¹² В 1936 г. Д. Д. Благой предпринял неубедительную попытку доказать, что в цитированном письме Пушкин спрашивал Вяземского, не напечатана ли в «Московском телеграфе» его эпиграмма «На трагедию графа Хвостова, изданную с портретом актрисы Колосовой» (см.: *Благой Д. Д. Неизвестный эксперимент Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. Т. 2. С. 12–16*).

¹³ Цит. по: *Левкович Я. Л. Литературная и общественная жизнь пушкинской поры в письмах А. Е. Измайлова к П. Л. Яковлеву // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1978. Т. 8. С. 165*.

¹⁴ См. о них в письмах Измайлова Яковлеву от 9 ноября, 25 ноября и 4 декабря (Там же. С. 163–165); опубл.: *Вопросы литературы. 1983. № 8. С. 267–269* (публ. О. А. Проскурина).

¹⁵ *Благонамеренный. 1825. Ч. 29, № 1. С. 25–29*; без подписи. 18 ноября Измайлов сообщал Яковлеву: «Вчера написал для начала этого письма дюжину стихов хоть куда, да затерял — и не отыщу» (цит. по: *Левкович Я. Л. Литературная и общественная жизнь пуш-*

Впрочем, нет сомнения, что вскоре Измайлов смог ознакомиться и с «большими» стихами Хвостова, так как тот начал распространять их в рукописи еще до публикации, — это было его обычной практикой. Так, в январе он отправил свое новое стихотворение императрице Елизавете Алексеевне; 21 января статс-секретарь Николай Михайлович Лонгинов писал графу, что послание было принято «с обыкновенным к вам благоволением»¹⁶. Нельзя сомневаться, что у графа-метромана были и другие адресаты.

Письмо Хвостова издателю «Московского телеграфа» Н. А. Полевому нам неизвестно; не дошла до нас и рукопись послания, отправленного с этим письмом. Но в архиве графа сохранилась правленная автором писарская копия, нижний слой которой дает, вне всякого сомнения, тот же текст, который был послан в Москву. В первоначальном варианте стихотворение Хвостова называлось «Послание к Издателю Телеграфа в Москве» и начиналось так:

Журнала нового достойное названье
На самом опыте желая оправдать
В Столицу древнюю пишу теперь посланье.
Посланье часто лир заимствует печать,
Как объявляет то московское издание¹⁷,
Но здесь не о моих идет посланьях речь.
Я волн свирепство зрел, я видел Божий меч и т. д.¹⁸

кинской поры в письмах А. Е. Измайлова к П. Л. Яковлеву. С. 164).

¹⁶ ИРЛИ, ф. 322, ед. хр. 73, л. 141.

¹⁷ В немецком переводе к этим словам дана отсылка на фрагмент статьи В. К. Кюхельбекера «Разговор с Ф. В. Булгариним» (Мнемозина. 1824. Ч. 3), где тот утверждал, что к лирической поэзии «принадлежит и элегия, принадлежит иногда даже послание» (цит. по.: *Кюхельбекер В. К.* Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 462).

¹⁸ ИРЛИ, ф. 332, ед. хр. 29, л. 28.

Полевой прекрасно понимал, какова бы была реакция большинства литераторов, опубликуй он послание Хвостова в «Московском телеграфе», какой это бы нанесло урон репутации только встающего на ноги журнала. Поэтому он уклонился от неожиданного подарка в выражениях хоть и любезных, но весьма решительных; его письмо от 19 декабря 1824 г. также сохранилось в бумагах Хвостова:

«Первым словом моим да будет усерднейшая благодарность Вашему Сиятельству за прекрасный подарок моему новорождающемуся дитяте — благоволите продолжить Вашу к нему благосклонность, как Вы удостоиваете донныне ею отца его. Оправдать надежды Ваши на Телеграф, приложу все силы. <...> Но я хочу просить Вас позволить мне некоторую вольность в рассуждении Вашей стихотворной присылки: она будет состоять в следующем — желая доставить и бóльшую публику Вашему *Посланию*, и употребить его с большею пользою для ближних, не позволите ли Вы мне напечатать его не в Телеграфе, а *особо*: я сделаю чудесное издание и всю выручку обращу — в пользу и пособие претерпевших от наводнения — согласитесь, Ваше Сиятельство, и пришлите поскорее заглавный лист с доверием представить в Цензуру — быть полезным страждущему человечеству не есть ли обязанность поэта? — За работу же, корректуру и хлопоты мои не угодно ли Вам взять несколько экземпляров Телеграфа, которые, по обширному Вашему кругу знакомств, Вам легко сбыть; а мне пособие...»¹⁹

Получив отказ Полевого, Хвостов вынужден был переделать и название, и два фрагмента послания. Так, начало в новой редакции стало читаться следующим образом:

О златострунная деяний знатных Лира!
Воспламеня певца безвестного средь Мира,

¹⁹ ИРЛИ, ф. 332, ед. хр. 73, л. 81–81 об.; частично процитировано: Колбасин Е. Певец Кубры, или Граф Дмитрий Иванович Хвостов: (Психологический очерк) // Время. 1862. № 6. С. 142.

Гласи из уст его правдивую ты речь.
Я волн свирепство зрел, я видел Божий меч и т. д.²⁰

Была также произведена замена двух строк в середине стихотворения. В копии они выскоблены, а новая редакция вписана самим Хвостовым поверх выскобленного текста. Однако утраченные строки мы можем восстановить по немецкому переводу, который был сделан с первоначальной редакции послания. Окончательный текст этого фрагмента читается так:

Коль злополучие Петрополя известно,
То исцеление, поистине чудесно,
Ты, лира, огласи на крыльях молвы
По красным берегам и Волги и Москвы.

А вот немецкий перевод:

Die Übel, die Petropolis erlitten,
ermüdet jede Feder zu erzählen;
doch wissen mag, Moskwa, dein Telegraph,
daß mehr als Leiden, Mitleid hier erschienen.²¹

В копии рядом с выскобленными и вписанными строками стоит знак вставки с пометой «№ 1-й», но текста, к которому бы он отсылал, в бумагах Хвостова не сохранилось. В опубликованном тексте на этом месте нахо-

²⁰ Послание к N.N. о наводнении Петрополя, бывшем 1824 года 7 ноября. Сочинение Графа Хвостова. СПб., 1825. С. 3 (далее «Послание» цитируется по этому изданию). Во втором томе «Полного собрания стихотворений графа Хвостова» (СПб., 1829) вторая строка читается: «Воспламени певца безвестного среди мира...» (с. 109), что, скорее всего, является опечаткой.

²¹ Epistel des Grafen Chwostow zur Erinnerung an den 7-en November 1824 (aus dem Russischen übersetzt). St. Petersburg, 1824. S. 6 (цензурное разрешение: 9 января 1825 г.); последние две строки в обратном переводе: «Все же, Москва, знает твой Телеграф, / что здесь явило себя более сочувствие, чем страдания».

дится фрагмент из 24 строк, которого, очевидно, не было и в посланном Полевому тексте («Быть может, возвратясь из Океанов дальних ~ Зефира кротостью, наитием щедрот»). То, что на указанное место в копии должны были встать те самые строки окончательного текста, доказывает подсчет на одном из листов рукописи послания:

$$\begin{array}{r} 108 \\ 24 \\ \hline 132 \end{array}$$

К слову сказать, этот подсчет неверен: после сокращения начальных строк с семи до четырех в такой промежуточной редакции послания получилось не 108, а 109 строк; соответственно, в опубликованной в 1825 г. редакции их не 132, а 133.

Напомним, что в отдельном издании «Послания к N. N. о наводнении Петрополя...» к русскому тексту был приложен немецкий перевод, который отличался от русского и названием (если на обложке стояло новое название, то на первой, спусковой, полосе: «Epistel an den Herausgeber des Moskwaischen Telegraphen»), и текстуальными разночтениями. Эти различия Хвостов попытался объяснить в примечании, где, впрочем, не признался, что получил от Полевого фактический отказ: «Сочинитель считает этот перевод красивым и верным, но все же отмечает, что после его публикации в немецком журнале господина Ольдекопа²², он внес некоторые незначительные изменения, которые вызваны тем, что эта эпистола не была отослана господину издателю

²² Немецкий перевод послания был опубликован в журнале «St. Petersburgische Zeitschrift» (1825. Bd 17, № 1. S. 83–88; цензурное разрешение: 29 января 1825 г.), который издавал Август (Евстафий Иванович) Ольдекоп; ранее в его журнале Хвостов напечатал переводы стихотворения «Русские мореходцы на Ледовитом море» (1823. Bd 9) и «Послания к Дмитриеву» (1824. Bd 13).

“Московского телеграфа”, но печатается здесь и обращена NN. См. об этом первое и последнее примечание оригинала»²³. Аналогичные примечания есть и в русском тексте. Первое: «Сочинитель сделал несколько перемен в сем Послании в самую ту минуту, когда отдавал оное в печать; и потому в немецком переводе на место первых стихов, относящихся к издателю Телеграфа, находятся другие три стиха к N. N.»; последнее начинается следующими словами: «Сей стих о наводнении не приписывается уже более издателю Телеграфа, и также вмещаются еще новые стихи, перед самым печатанием послания прибавленные».

Из всего вышесказанного следует, что Пушкину стал известен именно первый, рукописный вариант хвостовского послания, обращенный к издателю «Московского телеграфа»; по всей видимости, в нем не было также примечаний. Возможно, оно было в качестве курьеза доставлено поэту его лицейским другом И. И. Пуциным, который посетил Михайловское 11 января и привез ему другую свежую новинку — «Горе от ума» (отметим кстати, что отзыв о комедии Грибоедова находится в том же письме Вяземскому, что и строки про «Послание» Хвостова). И только потом, когда в середине февраля Пушкин получил от Е. В. Аладына изданный им «Невский альманах», он увидел его второй вариант.

Однако не исключено, что Пушкин получил другой текст. Но об этом чуть ниже.

«Послание к N. N. о наводнении Петрополя...» было встречено современниками с чрезвычайным интересом, и реакция многих была схожа с пушкинской. Стало ясно, что престарелый поэт не утратил дара рождать «галиматью», а значит, будет повод еще не для одной пародии или эпиграммы. Сразу после выхода послания из печати Воейков поставил его в ряд самых известных творе-

²³ Epistel des Grafen Chwostow zur Erinnerung an den 7-en November 1824 (aus dem Russischen übersetzt). S. 10.

ний Хвостова: «*Граф Хвостов* особенно отличился притчами (надобно читать первое издание, которое я предпочитаю всем другим), и двумя новыми поэмами: Гулянье в Екатерингофе и Наводнение в Петербурге, обе исполнены чудных красот»²⁴. «Читал ли “Наводнение” Хвостова? — спрашивал Вяземского А. И. Тургенев в письме от 17 февраля 1825 г., — стариной потрянул»²⁵. В. К. Кюхельбекер назвал его среди самых «достопримечательных событий в области российской словесности» 1824 г.²⁶; вскоре последовали и эпиграммы:

Господь послал на Питер воду,
А граф сейчас скропал и оду.
Пословица недаром говорит:
«Беда беду родит».
(А. Е. Измайлов)²⁷

Всему наш Рифмин рад: пожару, наводненью,
Войне, землетрясенью, —
Всё кажется ему добро,
Лишь только б случай был приняться за перо
И приступить к тисненью!
Я даже бьюсь со всеми об заклад,
Что для стихов он был бы рад
И светопреставленью.
(Н. Ф. Остолопов)²⁸

²⁴ Русский инвалид. 1825. № 33, 9 февраля. С. 133.

²⁵ Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 3. С. 96.

²⁶ См.: Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. С. 500.

²⁷ Русская эпиграмма (XVIII — начало XX века). Л., 1988. С. 174 (Б-ка поэта. Большая сер.).

²⁸ Там же. С. 161 (впервые: Памятник отечественных муз. СПб., 1827). Очевидно, эпиграмма предназначалась для «Благонамеренного», но не была пропущена цензурой (см. письмо А. Е. Измайлова к П. Л. Яковлеву от 21 января 1825 г. — Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1978. Т. 8. С. 168) и поэтому попала в печать только через год.

Но наиболее интересный отклик на «Послание» содержится в письме С. М. Салтыковой (будущей жены А. А. Дельвига) к ее подруге А. Н. Семеновой от 28 февраля 1825 г.: «Граф Хвостов успел уже написать стихи на наводнение; мне их обещали, но я еще их не имею, и мне цитировали два наиболее замечательных стиха; вот они:

Разрушились небес и бурных вод оплоты,
И плавают вверх дном и судны, и елботы!

Как ты их находишь?»

Семенова, очевидно, заинтересовалась стихами Хвостова и попросила их прислать, но Салтыкова не смогла выполнить ее просьбу. «Ты спрашиваешь у меня стихов Хвостова, — писала она спустя два месяца, 21 апреля, — но я не могу прислать их тебе, потому что Норов, обещавший мне их, до сих пор мне не дает их. В первый же раз, как я увижу его, я ему напишу об этом крупными буквами на большом куске бумаги и надеюсь, что тогда он, несмотря на свою рассеянность, не забудет своего обещания...» О том же идет речь и в следующем письме, от 27 апреля: «Вчера я видела Норова, и моею первою заботою было побранить его за стихи Хвостова; он уверял меня, что он их разорвал по рассеянности, но в то же время обещал мне их принести; в ожидании он сказал мне на память несколько стихов из этой пьесы, но я могла удержать в памяти только один — о Екатерингофе, который также очень был поврежден наводнением. Вот он:

Екатеринин уж водой покрылся Гоф»²⁹.

Нельзя не удивиться тому, что Салтыкова не могла нигде достать дважды опубликованный текст, хотя, судя

²⁹ Цит. по: *Модзалевский Б. Л.* Пушкин и его современники: Избранные труды (1898–1928). СПб., 1999. С. 249, 255.

по письмам, тесно общалась с П.А. Плетневым и находилась в курсе всех литературных новостей столицы. Но еще больше удивимся, заглянув в текст «Послания»: и в отдельном издании, и в «Невском альманахе» приведенные в письме Салтыковой фрагменты читаются совершенно по-иному:

Вода течет, бежит, как жадный в стадо волк,
Ведя с собою чад ожесточенных полк,
И с ревом яростным, спеша губить оплоты,
По грозным мчит хребтам и лодки и элботы...
<...>

Екатеринин брег сокрылся внутрь валов...

Все сказанное приводит к выводу, что в литературных кругах Петербурга либо ходила по рукам какая-то неизвестная нам пародия на хвостовское «Послание», либо столичными шутниками цитировались и передавались из уст в уста отдельные его места, «доработанные» для усиления галиматийного эффекта. Скорее всего, такое же происхождение имеют ставшие впоследствии знаменитыми строки, впервые появившиеся в печати лишь в 1874 г. в воспоминаниях О.А. Пржецлавского: «...свиристествовал Борей, / И сколько в этот день погибло лошадей!..» и «...по стогнам валялось много крав, / Кои лежали там, ноги кверху вздрав»³⁰.

Пржецлавский, как и ранее Салтыкова, несколько не сомневался, что цитированные им строки действительно принадлежат Хвостову: репутация графа была такова, что ему легко можно было приписать любую поэтическую нелепость, что с наслаждением и делали его литературные противники. В следующем году строки про «крав» появились в полубеллетристической-полумемуарной книге В. П. Бурнашева «Наши чудодеи»,

³⁰ Цит. по: Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. М., 2010. С. 198 (впервые: Русская старина. 1874. № 12. С. 673).

которую он издал под псевдонимом Касьян Касьянов. Бурнашев недаром имел репутацию главного литературного выдумщика и сплетника того времени; историю издания хвостовского «Послания» он обставил совершенно фантастическими подробностями: «Граф Хвостов, хотя и признававший за своими стихами всевозможные достоинства, однако ж иногда делал в них перемены, по указаниям людей, которых уважал. Так, например, в первоначальной редакции его стихов по случаю наводнения 7-го ноября 1824 года, отпечатанных на особенных листочках, — было, между прочим, сказано так:

...“по стогнам валялось много крав,
Кои лежали там ноги кверху вздрав”.

Президент Российской Академии А. С. Шишков <...> в разговоре с Хвостовым объяснил ему всю уродливость и тривиальность этих стихов; Хвостов поспешил сжечь все имевшиеся у него экземпляры этого *Pomona* и, отпечатывая его в издании 1827 года, напечатал стихотворение без этой чудовищности»³¹.

Несмотря на то что этот эпизод является чистой воды вымыслом, в нем все же есть достоверное зерно. Хвостов действительно не был равнодушен к реакции критики (как правило, она была аналогична процитированному выше отзыву «Северной пчелы»), прислушивался к мнению немногочисленной публики (на беду графа, большую ее часть составляли подхалимы и прихлебатели) и в новых изданиях старался исправлять те места своих стихотворений, которые вызывали нарекания и пародии.

³¹ Касьянов К. [Бурнашев В. П.] Наши чудоеи: Летопись чудачеств и эксцентричностей всякого рода. СПб., 1875. С. 31–32; далее, противореча самому себе, Бурнашев утверждал, что «граф пожертвовал несколько сот экземпляров своей поэмы на наводнение 1824 года <...> в пользу Российской Американской Компании <sic!>. Все эти экземпляры были правлением компании отосланы на остров Ситху “для делания патронов”» (Там же. С. 32).

Несомненно, до него дошел пародийный текст: перепечатав свое «Послание» в 1827 г., граф переделал спародированной неведомым острословом фрагмент про «лодки и элботы». В новой редакции он стал звучать так:

Вода течет, бежит, как жадный в стадо волк;
Ведя с собою чад ожесточенный полк,
Стремясь в дерзости к оплотам знаменитым
И лодки и суда мчит по хребтам сердитым.³²

Кроме того, Хвостов изменил еще около двух десятков строк, некоторые из них переработав весьма кардинально; было изменено также заглавие, из которого исчезло слово «Послание», а в примечаниях сняты указания на то, что первоначально оно было обращено к издателю «Московского телеграфа». Последний раз граф обратился к тексту этого стихотворения через два года — при подготовке итогового «Полного собрания стихотворений»³³, где работа над ним была продолжена.

Не имея текста пародии на «Послание к N. N. о наводнении Петрополя...» (если таковой вообще был), мы можем только гадать, какие же галиматийные красоты предлагал своим читателям неведомый нам автор. Но человек обычно запоминает самые яркие впечатления, и можно предположить, что и письма юной девушки, и мемуары престарелого чиновника донесли до нас наиболее характерные фрагменты этого иронического опуса. И здесь можно спросить: какой именно текст добрался до Михайловского в январе 1825 г.? Было ли это настоящее послание графа Дмитрия Ивановича Хвостова в его ранней редакции, или же Пушкин прочел те же строки, что вспоминают Салтыкова и Пржецлавский?

Ответа на этот вопрос мы, скорее всего, не полу-

³² Разные стихотворения графа Хвостова, сочиненные после полного собрания. СПб., 1827. Т. 5. С. 62.

³³ См.: *Хвостов Д. И.* Полн. собр. стихотворений. СПб., 1829. Т. 2. С. 109–115.

чим никогда. Но в любом случае впечатление Пушкина от свежей литературной новинки было настолько сильным, что через несколько месяцев вдохновило михайловского изгнанника на создание иронической «Оды его сиятельству графу Хвостову», а спустя почти десять лет уже прославленный поэт вспомнит о послании графа в «Медном всаднике», где оно будет присутствовать как эксплицитно («Граф Хвостов, / Поэт, любимый небесами, / Уж пел бессмертными стихами / Несчастье невских берегов»), так и имплицитно³⁴.

В наши дни, когда «Послание к N. N. о наводнении Петрополя» перепечатано несколько раз, как в отдельных изданиях Хвостова, так и в различных сборниках, размещено на нескольких сайтах в сети Интернет и уже никоим образом не является библиографической редкостью, строки «...по стогнам валялось много крав, / Кои лежали там, ноги кверху вздрав» гораздо более известны, чем подлинный текст стихотворения. По иронии судьбы предсказанное Пушкиным «бессмертье» обрели не стихи самого графа, а легенда о бездарном графомане.

³⁴ См. об этом: *Основат А. Л.* Из комментария к «Медному всаднику» (2) // На рубеже двух столетий: Сб. в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова. М., 2009. С. 501–505.

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ) РАН

ЗАПАДНЫЙ СБОРНИК

В честь 80-летия
Петра Романовича Заборова

Издательство Пушкинского Дома

Санкт-Петербург, 2011